

Александра Мамкина

Капкан для

ЛИСЫ

Александра Малинина
Капкан для лисы
Серия «Сентябрина
Великолепная», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53959786

SelfPub; 2022

Аннотация

Что делать, если бывший возлюбленный надумал жениться и выбрал для этого самую неподходящую кандидатуру? Разумеется, открыть ему глаза на правду! Именно так и собиралась поступить Сентябрина, но опоздала: девушку убили, и Сеня теперь главный подозреваемый. Но сдаваться не в ее духе. Чем больше она узнает о покойной, тем больше все путается. Что скрывала девушка? От кого пряталась? Или кто ее послал? И это самые легкие вопросы, ответы на которые придется найти Сентябрине. Тут бы самой не вляпаться в такие неприятности, что даже верный друг и союзник не поможет. Так от кого ждать помощи?...Вторая часть серии "Обхитрить лису".

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	42
Глава 4	54
Глава 5	72
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Александра Малинина

Капкан для лисы

Глава 1

Бар – не лучшее место для девушки вроде меня.

Ромка утверждает, что одним своим присутствием я способна отвлечь граждан от важных барных дел – сидеть, галдеть и пить что придется, а это эгоистично.

Но Ромки рядом не было, на мозги никто не капал. Я откинулась на стуле, подняла бокал вина и пригубила. Паршивое вино, но как раз подходит к настроению, делая все еще хуже. Образ должен быть полным, иначе все зря.

– Ненавижу тебя! – резко перебил он, голос его был тихим, но это пугало даже больше. – Ты чертова сука, лишенная морали, человечности и любых чувств. И сейчас ты радуешься... – Макара вцепился в волосы обеими руками, словно останавливая себя. – Держись от меня подальше. Меня от тебя тошнит. Держись от меня подальше, – повторил он, – иначе я за себя не ручаюсь...

– Ты не прав, – тихо возразила я, – по крайней мере, на счет отсутствия чувств.

Слова вырвались без моего на то желания, можно поду-

мать, сейчас они хоть что-то значили. Я сама не понимала, хотела ли я защитить себя, или пыталась сказать нечто такое, что говорить не умела. Я съезжилась под его тяжёлым взглядом. Таким взглядом обычно одаривают смертельных врагов.

– НЕ-НА-ВИ-ЖУ! – по слогам процедил он, грубо оттолкнул меня с пути и удалился из моей жизни...

Вспомнив разговор, я в очередной раз тяжело вздохнула. Современные мужчины очень чувствительны – взять хотя бы Ромку. Вечно твердит, что правильно, а что нет, учит, учит, нудит... но Ромкины недостатки я научилась любить, как и он мои. Хотя ему проще – какие у меня недостатки?

Вот и Макар не отставал. Лелеял свои обиды, взращивал новые... не сидел без дела, в общем. Настолько не сидел без дела, что... я мысленно отмахнулась от воспоминаний. Хотя отмашка не особо сработала, все равно остался осадок. Я погрузилась в воспоминания и в очередной раз задумалась: «бесчувственная» – это комплимент, или нет? Тон у блондина был агрессивный, лицо злое. Все так невыносимо сложно!

Как-то Ромка увлекся моей адаптацией к окружающему миру и отправил на сеанс к мозгоправу. Можно подумать, я из джунглей сбежала! Адаптация... но под Ромкиным напором сдалась. Тем более, всегда любила звук своего голоса и уж точно не стала экономить на человеке, который вынужден был сидеть напротив и слушать меня по часу в день.

Но мозгоправ мне быстро надоел, в основном из-за постного выражения лица, и все проблемы я стала решать в баре.

– Вино у вас паршивое, – сообщила я бармену, возвращая бокал. – Еще налей.

– Это Шардоне, – обиделся парень.

– Это что угодно, но не Шардоне. И бокалы у вас под красное вино.

– Может, вам лучше пойти в ресторан? – предложил парень, наливая вино.

– Хуже.

Выпив еще, я окончательно погрузилась в воспоминания недельной давности.

Это был конец ноября. Как по мне, так ноябрь – самый отвратительный из всех месяцев в году: погода ужасная, постоянный ветер, слякоть и грязь под ногами в секунду может застыть в скользкую кашу, солнечных дней минимум, зато мрачных и дождливых – максимум. Что хорошего может случиться в ноябре? Я могу ответить: ничего и ни при каких обстоятельствах. Раньше я только догадывалась, теперь же уверена наверняка, и очень не повезет какому-нибудь глупцу со мной на эту тему поспорить, ибо ноябрь – зло в чистом виде!

Но, как ни странно, конкретный день ноября, а точнее, двадцать восьмое число, начался не так уж и плохо: я посетила спа, сделала потрясающую укладку, и наконец, пообедала с отцом. Обычно он обедает довольно поздно, так что

я как раз все успела.

Отец как раз недавно вернулся из очередной затянувшейся командировки, выглядел помолодевшим, загорелым и счастливым. Последнее я объясняла тем, что он был рад наконец-то оказаться дома: иностранные партнёры успели порядком его достать и ему хотелось домой. В общем, встреча прошла довольно неплохо, но папуля быстро меня покинул, у него образовались дела. Не успела я продумать дальнейший план на день, как мой телефон зазвонил.

Увидев имя звонившего, я довольно улыбнулась. Что ж, давно пора объявиться! Это был его первый звонок за черт знает какое время, для меня это повод для радости. На краткий миг я даже забыла, что за окном ноябрь, и ничего хорошего ждать не приходится.

– Привет, – ответила я все с той же улыбкой, хотя собеседник и не мог меня видеть.

Макар ответил без особой уверенности:

– Привет.

В нашу памятную встречу этим летом он заявил, что я злобный манипулятор, любитель играть людьми и дергать их за нитки, словно марионеток. С таким мириться он не пожелал, потому и ушел из моей жизни, хотя и сам был далеко небезгрешен, пытаясь подлизаться к моему отцу.

Уйти совсем у Макара не получилось, к тому моменту он уже прочно завоевал отцовское доверие и уходить явно не собирался. Да и вряд ли бы уже смог... По этой самой при-

чине мы встречались довольно часто, но все это время он держался со мной сухо, именуя Сентябриной Евгеньевной, и никак иначе. Обращался ко мне тоже исключительно по делу и только когда другого выхода у него не было, слова целил, будто они платные, да и вообще... Хотя иногда я ловила его изучающий взгляд, но никак не могла разгадать его сути. В общем, как охарактеризовать наши отношения, как прошлые, так и нынешние, я понятия не имела, но терпеливо ждала их развития.

Я промолчала на его «привет», считая, что раз он сам позвонил, то ему и продолжать. Тем более, каждое мое слово может быть истолковано как коварная манипуляция, и я дала себе обещание за сказанным тщательно следить.

Или это тоже манипуляция получается? Что-то я совсем запуталась...

– Что ты сейчас делаешь? Я бы хотел с тобой встретиться, если ты не против... – небольшая пауза, – поговорить.

Судя по тяжкому вздоху, это не очень сложное предложение далось ему нелегко.

– Я обедала с отцом в ресторане напротив вашего офиса. Могу дождаться тебя здесь.

– В «Плутонии»?

– Да. На втором этаже.

– Буду через десять минут, – пообещал Макар и положил трубку.

Появился он даже раньше, лишив меня тем самым целых

трех минут подготовки. Я успела слегка подкрасить губы и пройтись щеткой по волосам. Критично рассмотрев себя в зеркале, пришла к выводу: чудо как хороша. Длинные светлые волосы (не совсем белые, скорее пшеничного оттенка), зеленые глаза, которые Ромка зовёт лисьими, брови вразлет, маленький носик и красиво очерченные губы. Меня смело можно назвать красавицей... пока не узнаешь получше. Тогда уже просто не останется слов для описания.

Я увидела Макара раньше, чем он меня. Березин прошёл уверенной походкой через весь зал, все присутствующие женщины как по команде выпрямились и свернули головы в сторону блондина. Это меня ничуть не удивило, Макар парень хоть куда, словно сошел с картинки. Хорош до скрежета зубовного.

Он шел, как обычно, в шикарном костюме и при галстукe, светлые волосы модно подстрижены, на руке новые часы известной американской фирмы (чуть сэкономил). Выглядел немного нервным, и это оказалось заразительным: не далее как пять минут назад я пообещала себе не паниковать и вести себя как ни в чем не бывало, а тут заерзала.

– Привет, – еще раз поздоровался он, приземлился на стул напротив и нахмурился еще больше. От официанта нервно отмахнулся, сцепил руки замком перед собой и упорно не желал смотреть на меня. Прекрасное начало, что ни говори.

Воцарилось неловкое молчание.

– Сдается мне, ты позвонил не по делам компании, –

неохотно заметила я, продемонстрировав чудеса дедукции.

– Нет, то есть не совсем.

– Заинтриговал.

И еще одна пауза. В этот раз я сидела молча, давая парню возможность собраться с мыслями.

– Как у тебя дела? – неожиданно поинтересовался он.

И это заставило меня насторожиться еще больше: что это с ним такое? Обычно люди так ведут себя, когда пытаются хоть на время отложить дурную весть... Наверняка лицо мое сейчас заметно побелело: неужели он намерен уехать из города? Долгое время Макар жил в Англии, вдруг надумал вернуться?

Ничего, вопрос решаемый, главное – спокойствие.

Я пригляделась к Макару внимательнее. Выглядел, как всегда, с иголки, только прическу немного изменил, подстригся. И ему это шло, но Макару бы пошло абсолютно все, как обладателю классической мужской красоты с правильными чертами лица, красиво очерченной челюстью, яркими глазами и злополучными ямочками на щеках. Раньше мне такое сочетание категорически не нравилось, потому что больше подходило всяким слащавым актерам, нежели реальным людям, но с Макаром я откинула принцип не связываться с парнем, внешность которого еще смазливее твоей собственной.

И вообще, впервые увидев, я приняла парня за мошенника и проходимца, пусть в итоге он и оказался парнем по-

что положительным. Наверное, все дело в хитроватом выражении лица, привычке Березина слегка прищуриваться, как будто он пытается разглядеть, где твой кошелек, при этом полуулыбаясь и как бы отвлекая тебя улыбкой. Типичный жуликовский прием. Или все дело в этой его смазливости, а таким, как известно, веры мало. К примеру, себе бы я ни за что не доверяла...

Так или иначе, когда я откинула все предубеждения и готова была сделать шаг навстречу Макару (не совсем добровольный шаг, если честно, меня слегка подтолкнули, но это уже другая история), оказалось слишком поздно. Красавчик-блондин успел столкнуться с некоторыми моими прекрасными качествами и затаил большую обиду, обозвав эти самые качества ужасными.

И так не вовремя это произошло, я ведь собралась за него замуж!

Сейчас же Макар сидел напротив безо всякого прищура, зато явно нервничал. И ранее такой картины мне наблюдать не приходилось. Даже когда он заявился в город полгода назад, разыскивая меня (по его словам), ничуть не нервничал: наоборот, нацепил маску самоуверенности, вел себя нагло и раскованно. К папе подлизался... Должно быть, сегодняшняя встреча далась ему не так легко.

Предполагаемая возможность его скорого отъезда волновала меня все больше. Как мне выйти замуж за парня, который скоро уедет?

– Не хочешь ответить на мой вопрос, Бри?

– И что ты хочешь, чтобы я ответила?

– «Все хорошо» было бы здорово.

– Как ни странно, у меня действительно все хорошо, – пожала я плечами и не соврала: кроме погоды и дурацких мыслей, меня сейчас мало что беспокоило. По крайней мере, до звонка Макара, теперь меня беспокоило его поведение и потенциальный (еще не подтвержденный) отъезд.

– Я действительно рад это слышать, Бри.

– Рада, что ты рад. Но сдается мне, ты тянешь время и не желаешь переходить к главному, – озвучила я подозрения.

Макар опустил взгляд и уставился на свои раскрытые ладони. Руки у него ничего, но мог бы и дома их поразглядывать. Само собой, вслух я этого не сказала и Макара не торопила, сложила руки на груди и терпеливо ждала. Терпение никогда не было моей сильной стороной, и ситуация становилась все более неловкой, но передо мной сидел Макар, и я вполне могла дать ему пару минут. Надо же показать, какая я хорошая и терпеливая, почему-то блондин эти качества ценит. Ничего, медленно, но верно, я его отучу.

– Ты права, – наконец-то нарушил тишину Макар.

– Знаю, что права.

– Мне трудно начать, Бри. Но я понимаю, что ты должна узнать раньше всех.

– Узнать что? – нагнетать обстановку этот аферист умел.

– Только не сердись, хорошо?

– Ты же знаешь, если я отвечу «хорошо», то это может быть ложью, а я стараюсь с ней покончить. По возможности...

– Я женюсь, Бри, – перебил он мой словесный поток и вновь опустил взгляд.

– Что?!

– Я женюсь.

Не на мне же?

Глупый вопрос: конечно, черт возьми, не на мне!

– На ком? – бестолково спросила я, стараясь осмыслить происходящее: женитьба? Какого дьявола я ничего не знала? Наверное, потому что старалась не лезть в его жизнь... глупая была затея. Что называется – послушай всех советчиков и сделай наоборот.

Но вместе с тем пришло и облегчение: Макар не уезжает в Англию, проблем не испытывает, а уж с женитьбой я как-нибудь разберусь... только на этот раз без советчиков, все сама. А то «дай ему время», «не лезь»...

Макар продолжал разглядывать стол.

– Это же не глупая шутка, верно? – строго спросила я.

– Нет.

– Но... почему я ничего не знала? И почему так неожиданно? Я думала... не слишком ли ты торопишься?

– Прошло полгода, Бри. Может, я и приехал сюда ради тебя, но остался не поэтому. Ясно же, что у нас с тобой не может выйти что-то путное, ты меня не любишь и уже не

полюбишь. Надо жить дальше, и я хочу попытаться начать.

Макар наконец-то посмотрел на меня. Серьезно, мрачно. Парень не шутил, я это понимала. Бокал о его голову разбить что ли, чтобы в мозгах прояснилось? Какая нафиг женитьба, когда есть я – подарок судьбы?

Отставив бокал, я взяла себя в руки. Ладно, хочет быть окольцованным? Ну что ж, отлично... пусть пока так побеждает. Полгода – не слишком большой срок, чтобы найти приличную невесту. Опять же, для парня, который искал встречи со мной целый год, он как-то очень поспешил со свадьбой. И эта торопливость наводила на любопытные мысли, которые я пока мудро решила держать при себе. Разберемся и со свадьбой, и с невестой.

– Тогда совет вам, да любовь, – улыбнулась я.

Макара от моей улыбки передернуло.

– Ты узнала первая не просто так, Бри. Я надеялся. Ты мне кое-что пообещаешь.

– И что же?

Он не сразу ответил, как будто сомневался, а стоит ли вообще говорить.

– Я хочу, чтобы ты держалась от нас подальше, – резко выдохнув, он отвел взгляд и даже немного зажмурился. Ожидал, что я драться начну? Так я специально убрала бокал подальше, неужели не заметил?

– Это грубо, тебе не кажется?

– У меня есть все основания, Бри, даже ты тут не поспо-

ришь. Больше всего на свете я боялся твоей реакции.

– С чего бы это?

– Ну... мы оба знаем...

– Оба знаем что?! – повысила я голос. Бокал я убрала, но взгляд зацепился за стоящую неподалеку вазу с цветочками. Макар нарывался.

– Знаем, что ты способна на многое.

Неожиданно, это разозлило еще больше. На всякий случай, я вцепилась правой рукой в левую, и отодвинулась от злополучной вазы: признаю, случается у меня иногда неконтролируемый тремор руки, и эта дурацкая стеклянная тара так и манит. Но разве это плохо? Я же актриса, в конце концов, а мы тонкие натуры.

– Ой, только прекрати мямлить, – поморщилась я. – Ты живешь дальше, я тоже.

– Хорошо, – осторожно кивнул он.

– Просто меня сбивает толку то, что однажды попробовав изысканной черной икры, мужчины могут переключиться на лежалую селедку.

– А вот теперь я тебя узнаю, – усмехнулся Макар. – А сначала подумал, что ты и вправду изменилась, говорила почти как человек... И никакая она не селедка.

– Тогда каракатица, – отрезала я, не жалея о выпаде. Этак и лопнуть можно.

– Я не буду с тобой спорить. На самом деле, мне уже пора.

– Свадебные дела?

– Рабочие вопросы, – поправил он.

– Отлично, а то разговор успел меня утомить.

– Надеюсь на твое благоразумие, Бри, – он грустно улыбнулся, пытаясь разглядеть во мне что-то. Но я отыграла скуку и уныние, ни к чему парню готовиться к удару.

Макар потоптался рядом и наконец ушел.

Я просидела в ресторане еще с час, борясь с желанием опрокинуть стол или метнуть тарелкой кому-нибудь в голову. Желательно, каракатице Макара, но пока я не знала, кто она. Все это время я давала ему свободу и старалась не лезть, и каков результат? Дерьмовый, вот что я скажу. И всему виной советы бестолкового Ромки: не интригуй, дай парню время... Чушь собачья! Такие советы подходят для неудачников, теперь я это знала на горьком опыте. Чтобы я еще раз... и почему мне никто не сказал о потенциальной возлюбленной?! Неужели хитрый блондин скрывался ото всех? Меня опасался? Правильно делал, конечно, знай я о ней раньше, давно бы отвадила... но все равно подобная скрытность обижала.

Метнув злобный взгляд на официанта, я пулей вылетела из ресторана.

Настолько я помнила, сегодня Ромка собирался выпить пива с друзьями, они как раз встречались около шести в ирландском пабе в центре города. Паб славился разливным пивом разных сортов, неудивительно, что парни выбрали именно это место, хотя из ирландского в нем только назва-

ние. Ромку вообще всегда тянуло не в рестораны, а во всякие злачные места. Я не собиралась мешать встрече в стиле «только мальчики», но думаю, Ромочка не будет сильно на меня злиться.

Едва не сбив охранника, я ворвалась в накуренное темное помещение: ничего не подозревающий Ромка сидел, потягивал пиво и весело ржал в компании из десяти человек. Похоже, правило «только мальчики» было жестоко нарушено: четверо из сидящих за столом на мальчиков совсем не походили. И одна из «не мальчиков» так и норовила забраться на колени к моему Ромке.

Только не у меня на глазах.

Первым заметил мое приближение наш общий знакомый, Пашок. Сначала лицо его вытянулось, потом он что-то сказал (я не смогла расслышать), вся компания обернулась на меня и дружно заржала, похлопывая Ромку по плечу. Он сразу отодвинул от себя девицу с непонятным цветом волос, дабы обезопасить от моего гнева: друг чувствовал мое настроение издалека. И, кажется, Ромка упоминал, что парни меня не особо одобряли, на что я всегда ему отвечала: если я кому-то не нравлюсь, значит, у него нет вкуса. Но вряд ли это можно было отнести к нашей ситуации: подозреваю, его друзья меня побаивались, а признаться в этом стеснялись, ведь стоило мне приблизиться, смешки прекратились и сменились приветливыми улыбками.

– Если не перестанешь ржать, разобью стакан о твою го-

лову, – пообещала я Пашку, мигом учуяв в нем зачинщика общего веселья и главного виновника присутствия здесь девиц легкого поведения. Улыбка как по команде сошла с его физиономии, парень знал: в отличие от любителей бросаться пустыми угрозами, а потом прятаться в кусты, я предупредила о намерениях честно. А стакан разобью, глазом не моргнув.

Вслед за Пашком улыбки попрытали и остальные, что меня вполне устраивало.

– Сенька? Ты чего пришла? – строгим тоном поинтересовался Ромка. При друзьях друг моментально приобретал качества крутых мачо из боевиков, что так любят снимать в Голливуде.

– Ромочка...

– Что-то случилось? – он окинул меня взглядом и мачо из боевика исчез как по команде: Ромка знал меня лучше других. Он вскочил с места, взял меня за руку и вывел из паба.

– Макар женится! – не стала я ходить вокруг да около.

– На ком? – бестолково поинтересовался друг.

– Ну уж точно не на мне!

– Он сам сказал? Может, ты неправильно поняла?

– По-твоему, я тупица? Он выразился предельно ясно, Ромочка!

– Вот дела... – Ромка с подозрением покосился на меня: – Ты как?

На губах моих зазмеилась многообещающая улыбка:

– Прекрасно. А когда я избавлюсь от этой вероломной крокодилыхи и закатаю ее в свадебный реквизит, будет еще лучше.

И я коротко поведала другу о нашей с Макаром встрече и о его «прекрасной новости». Когда перешла к кровавым планам, Ромка испугался не на шутку:

– Сенечка, – он зачем-то схватил меня за локоть. Можно подумать, я собиралась претворять все планы в действие прямо сейчас. Честно говоря, эмоции взяли верх и я сильно преувеличила, но все же.

– Не Сенькай мне тут! Твоя задача – нарыть все, что сможешь на эту селедку.

– Нарыть-то я нарую... вопрос, что ты с этим сделаешь? Надеюсь, ты в самом деле не собираешься наматывать кишки на руку?

– Фу, Ромка!

– Ты сама сказала...

– Это выражение такое, болван. Она же может и заразной быть! В конце концов, это неприятно! По-твоему, я вовсе спятила?!

– Ты не хочешь знать ответ, – нервно улыбнулся Ромка.

– Действовать буду по обстоятельствам, – твердо решила я. – Смотря насколько интересную информацию ты сможешь найти. Может, мне и не придется напрягать фантазию, сольем девицу парой угроз. А не получится... что ж, всегда

можно сказать, что я пыталась по-доброму, но не вышло.

– Сделаю все что смогу. – Ромка тяжело вздохнул, притянул меня к себе и сжал в медвежьих объятиях. – Обещаю выпрыгнуть из штанов, лишь бы девчонка отделалась малой кровью... только ты уверена, что действительно этого хочешь? Даже если я найду что-то интересное и тыпустишь это в ход, это не поможет вернуть Макара. И уж точно не поможет выйти за него замуж. Люди не любят, когда ими манипулируют.

– Я не собираюсь им манипулировать, просто открою правду.

– А если нечего будет открывать? Вернешься к плану с кишками?

– Я не столь кровожадна, как ты про меня думаешь.

– Но все же?

– Безгрешных людей не существует, любимый мой Ромочка, – мечтательно улыбнулась я. – Уверена, эта Крокодильша имеет пару скелетов в своем убогом маленьком шкафу с одной парой обуви.

– Бывают и безгрешные. Просто ты таких людей на дух не выносишь, и в твоём окружении они отсутствуют, – напомнил друг.

– Если на нее ничего нет, ей же хуже. Я не собираюсь сидеть сложа руки и смотреть, как эта кикимора окручивает моего Макара!

– Возможно, это как раз лучшее, что ты можешь сделать.

Тем более... – тут Ромка поморщился и замолк. Но под моим инквизиторским взглядом продолжил: – Тем более, я сомневаюсь, что Макар тебе вообще нужен. Ты не вспоминала о парне полгода, а как только он надумал жениться – завелась и ринулась в бой. Ты уверена, что это не просто твое самолюбие? Или скука?

– Прекрати строить из себя мозгоправа, я их на дух не выношу, – поморщилась я и выпуталась из Ромкиных рук. – И вообще, тебе пора, а то дружки будут ревновать. Так уж и быть, змеюкой Макара займешься завтра. Будут новости, звони... или стучи в дверь!

– Ты уверена, что в порядке? Я могу пойти с тобой, откроем бутылочку твоего любимого французского вина, – самоотверженно предложил друг.

– Иди в бар!

– Сенечка...

– Хочу побыть одна, отстань! – сделав Ромке ручкой, я отправилась восвояси.

А Ромка с тревогой смотрел мне вслед.

Глава 2

Наше первое знакомство с Абрамовой Анной Эдуардовной состоялось через три дня, в торговом центре. Ромка за эти дни так и не сумел меня порадовать, хотя очень старался (это его слова).

Анна Эдуардовна, двадцати семи лет отроду, оказалась самым настоящим ангелом: работала воспитательницей в детском саду и в этом видела свое предназначение. Родители у нее погибли много лет назад, она еще училась в институте. Не привлекалась, ни в каких сомнительных связях не состояла. Встречалась лишь с одним парнем. Мечтала заиметь пятерых детей, троих из которых планировала усыновить (это уже я сама на ее страничке в одной из социальных сетей вычитала). И да, в свободное время занималась волонтерством в кошачьем приюте за городом.

Ужасно, понимаю. У самой волосы на голове шевелились от узнанного.

В общем, Анна Эдуардовна была настолько идеальна, что волей-неволей закрадывались сомнения в ее абсолютной честности. Таких людей не бывает, тут одно из двух: либо она тайная наркоманка (или алкоголичка), либо мошенница.

Наплевав на Ромкины советы «оставить девушку в покое» и «не вмешиваться», я поджидала ее возле подъезда безликой новостройки. Девушку я узнала без труда, она вышла из

дома в субботу после обеда и прогулочным шагом отправилась к ближайшей остановке. Я негласно проводила ее, так мы и добрались до торгового центра.

Пока я шла за Анной и искала возможность познакомиться, мое недоумение все росло: чем она заманила моего беззащитного и доверчивого Макара в свои коварные сети? Красавицей ее не назвать: средне-русого цвета волосы, заплетенные в толстую небрежную косицу, никакого тебе блеска и шика; востренькое личико с тоненьким носиком и небольшими глазками, обрамленными светленькими ресничками. Хоть бы накрасилась что ли... Единственное, что можно зачислить за плюс – пухлые губы, но на фоне остального они казались чем-то неестественным и к ее лицу неподходящим.

Ростом Анна тоже не вышла, и рядом с довольно высоким Макаром точно смотрелась коротышкой. По моим меркам ее рост приравнялся к понятию «метр с кепкой». Однозначно – минус. Еще и фигура абсолютно средняя. Пышная грудь, узкая талия и широкие бедра – говорят, мужчинам такое нравится. То есть, однажды это сказал Ромка, но больше повторить не рискнул. Значит, не так уж и нравится.

Моя жертва добралась до салона красоты, что располагался в восточной части комплекса, и присела на салатовый диванчик, предварительно побеседовав с рыжей девицей за стойкой администратора. Похоже, у Анны запись, девочка наконец-то взялась за ум и решила покрасить мышинные волосы? Сейчас узнаем...

С широкой улыбкой на устах я зашла в тот же салон красоты и присела напротив. Открыла ранее припасенную брошюру с кричащим названием «Дитя двух семей. Книга для приемных родителей» и приготовилась к ожиданию, краем глаза наблюдая за мышшиной Анной. Действовать по моему сценарию она не стала, хотя я видела, как она отметила взглядом мою книгу: я специально держала ее под таким углом, что не заметить название Анна не могла, а вот самой мне что-то прочесть было довольно затруднительно. Что ж, либо приемные дети интересуют ее так же, как прошлогодний снег, либо она просто не сторонница случайных знакомств в салоне красоты.

«Нет уж, милочка, ты со мной побеседуешь» – пообещала я ей, правда, мысленно.

Судя по всему, Анна пришла куда раньше назначенного срока. Несколько девушек, что пришли позже, уже отправились на процедуры, а она все сидела. Соответственно, и я тоже: рыжая девица начала проявлять ко мне интерес, но пока дальше недоуменных взглядов у нее не зашло. Я ответила ей фирменным «лучше не приближайся ко мне» видом, рыжая оказалась сообразительной и отвлекать меня перестала.

И я всецело смогла сосредоточиться на Анне Эдуардовне Абрамовой. Мне-таки удалось привлечь ее внимание: для этого я пару раз картинно вздохнула и прижала руку к груди, потом уронила книгу и наконец поймала ее взгляд:

– Тоже интересуетесь усыновлением? – пришлось начать

разговор самой. – Я заметила, как вы смотрели на книгу. – Дурацкий аргумент, но какой есть.

Анна пожала плечами и нерешительно улыбнулась в ответ.

– Подумываю над этим, но пока рано решать, – ответила она и отвела взгляд.

Врет? Или просто не желает общаться с девицей, что пристала к ней в торговом центре. По понятным причинам, первая версия импонировала мне куда больше, так что я решила на ней и остановиться.

– Я думаю, в самый раз. Благое дело требует подготовки... вот вы бы какое усыновление предпочли, открытое или закрытое?

– Закрытое, наверное.

– Что ж, это выбор большинства, – я опять улыбнулась, стараясь не упустить ни одной детали ее поведения: дамочка совершенно точно чувствовала себя неуютно, и это не мои фантазии. С чего бы ей нервничать, болтая с незнакомкой? Видимых причин не было, но вот если ей есть что скрывать... Черт, опять увлеклась.

– Я еще не обсуждала этот вопрос с женихом, если честно.

Отвела взгляд. Опять. Но весьма кстати упомянула жениха.

– Вот как? Что ж, советую обсудить как можно быстрее, мужчины такой народ... вдруг он откажется? – с придыханием заметила я, демонстрируя отрицательное отношение к

мнимому отказу. Зная Макара – вполне вероятно, что с превеликим удовольствием согласится. Он вроде и сам из приемной семьи, отец упоминал об этом на одном из семейных ужинов.

– Нет, что вы. Макар не такой, – теперь она улыбнулась и посмотрела мне в глаза. Ее победный тон не мог быть моей фантазией, тут точно что-то не так. Сначала она упомянула жениха, теперь вот имя его назвала...

– Откуда вам знать? Вы так давно знакомы?

– Прилично.

– Вот как? – усмехнулась я.

– Именно!

– Очень в этом сомневаюсь.

– А я вас сразу узнала, – заявила крокодилыха Анна, чем меня ничуть не удивила. Если она и хотела меня шокировать, то у нее не вышло.

– Неужели?

– Да. Макар предупреждал, что вы можете со мной связаться.

– Так вы та самая невеста? – ахнула я и прижала руку к груди.

– Вы прекрасно знаете, кто я такая, – от милой улыбчивой сероволосой девушки мало что осталось, Анна быстро переключилась на образ барракуды. Столь стремительный переход мне очень даже понравился. В этом я отлично разбиралась – в построении диалога с нормальными адекватными

людьми, а не с парящими в небесах фиалками.

Я довольно улыбнулась:

– Честно говоря, пока не знаю, кто ты такая. Но вижу, что не все так просто, как кажется... то есть, не так радужно, как ты хочешь втюхать Макару. Но ему повезло: у парня есть я. Упорства мне не занимать, я быстро выясню все, что меня интересует, – вежливым тоном пообещала я. Может, Анна и могла за себя постоять, но до меня ей далеко в любом случае: барракудой я была еще в детском саду, а выросла в настоящую акулу.

– Нечего выяснять, – спокойно ответила она.

– Вот и посмотрим.

– Отлично. Удачи в этом.

– Удача мне не нужна, дорогуша, – я кивнула девушке и удалилась.

Что ж, из получасового наблюдения и пятиминутного разговора много выводов сделать трудно. Кому-то. Но не мне: обычно аферистов видно насквозь. Анна призналась, что сразу узнала меня, но виду не подала. Зато я заметила, как она волновалась. Боялась меня? Что же такого ей наговорил Макар? Не думаю, что наболтал лишнего, он все же на отца моего работает... но Анна все равно меня опасалась и не сразу выбрала линию поведения. В конце и вовсе начала огрызаться, явно желая меня задеть. Желая, чтобы я ушла. Потом разыграла равнодушие.

Как ни крути, вывод один: Анне есть что скрывать. И я

выясню про бедную Анечку все, вытащу каждый ее секрет. А если секретов не окажется, я их ей обеспечу.

Из салона красоты я переметнулась в бар напротив. Само собой получилось: я увидела вывеску «Red Revenge» и соблазнилась одним только названием. Уже внутри оценила немногочисленность, можно спокойно посидеть и обдумать дальнейшие планы, а так же отсутствие раздражающей новогодней атрибутики, что сейчас пестрила по всему городу. Куда ни сунься – все разноцветное, поющее и радостное. Брр!

«Red Revenge» за две секунды взлетел от «без понятия, что за место» до «лучший бар города». С довольной улыбкой я прошла вперед и устроилась за барной стойкой.

Как по мановению волшебной палочки, передо мной возник бармен:

– Что желает такая красивая девушка?

– Гранатовый сок, пожалуйста. Натуральный, не разбавленный, – решила я придерживаться здорового образа жизни. Гранатовый сок – король соков, а еще он очень кислый... если повезет. Я любила еще лимонный сок, так же неразбавленный, но пила его как правило при Ромке. У того смешно глаза лезли на лоб и он твердил «все не как у людей», лишний раз подчеркивая мою особенность.

– У нас нет гранатового сока, – приуныл бармен.

– Тогда мартини с водкой, – сдалась я. Сегодня не судьба завязать с алкоголем.

– Seriously?

– Абсолютно.

– Не с соком?

Отвечать я сочла излишним, бросила на парня хмурый взгляд. Он тут же исчез с глаз, кинулся выполнять заказ. Пока я ждала martini, почувствовала, что рядом кто-то уселся, хотя свободных мест вокруг предостаточно. Сердце застучало быстрее обычного – так работает предчувствие.

Бармен поставил передо мной бокал, закинув туда пару оливок, улыбнулся.

И я услышала знакомый голос:

– Мне то же, что и даме.

Оборачиваться я не стала, отпила martini, готовясь к грядущей схватке.

Вишневский тоже молчал. В полной тишине мы осушили бокалы, он сделал жест бармену и нам принесли еще.

– Я понимаю, сегодня суббота. Но не рано ли для такого коктейля? – первым подал голос Андрей. Похоже, ему надоело молчать. Да и мне тоже, еще пара минут – и сама бы спросила, какого черта он здесь забыл. Хотя разговаривать с Вишневским совсем не хотелось. Человеческая натура вообще противоречива, а моя – в особенности.

– Это вопрос ко мне или к себе? – я кивнула на его стакан. – Если не я не ослышалась, пьешь ты тоже самое.

– У меня есть повод, а у тебя?

– Сразу два.

Так тебе!

Я повернулась к Вишневному. Тот сразу одарил меня фирменной пиратской улыбочкой. Уж не знаю, кто посягнул на его физиономию, но стоило признать – это как раз тот случай, когда шрамы украсили мужчину. Сделали интереснее так уж точно. Так и хотелось ведь выбить из него подробности случившегося. Сам Вишневецкий, нагло ухмыляясь, соврал, что подрался в баре. Но верить ему – все равно что верить мне, надо прям очень доверчивым быть.

В этот раз Вишневецкий предстал передо мной в синем костюме, синей рубашке и с неожиданно желтым галстуком. Сходство с морским разбойником стало абсолютным, из-за дурацкого галстука что ли...

Пока я разглядывала Андрея, он тоже времени не терял: его улыбка становилась все шире и нахальнее, представляю, какие мерзкие картины рисовало его больное воображение. Наверняка придумывал, какой расправы я более достойна, он у нас в этом деле мастер. И ненавидит проигрывать, а в прошлый раз ему не очень-то повезло. Сыграл в игру и проиграл. Или понес небольшие потери, что тоже неприятно. Андрей парень довольно опасный и малопредсказуемый, и вот эта его легкая неадекватность хорошо чувствовалась. Многие нервничали, стоило Вишневному приблизиться, я сама была тому свидетелем. Даже сейчас – парнишка-бармен предпочитал держаться подальше и подходил, только чтобы коктейли подать. Подходил, точно к змеям, торопился одернуть руку.

Если не касаться ощущений, Вишневский выглядел вполне обычно. Высокий, подтянутый, темноволосый. Лицо ассиметрично из-за двух шрамов: один вдергивал верхнюю губу, другой – рассекал правую бровь. Казалось, правая часть лица жила с несогласии с левой. Может, они и советуются иногда друг с другом – кто знает? Я уже упоминала про ощущение легкой неадекватности, так что все возможно.

Сама я в обществе Вишневского чувствовала себя некомфортно, но об этом молчала. Нельзя давать слабину перед врагом. А мы с Андреем именно враги.

– Так что за повод? – спросил Вишневский.

– Не думаю, что это твое дело, – получилось резко.

Я отпила мартини.

У меня нет повода паниковать в присутствии Андрея. Что бы он там себе ни думал, мы оба прекрасно понимали, что избавиться от меня он не сможет. Папе это не понравится, а с моим родителем никто в здравом уме не связывается: если кто и был опаснее этого Пирата, так это мой папуля, весьма скорый на расправу с неугодными личностями. И пусть Вишневский и выглядел абсолютным психом, в его здравомыслии и любви к собственной шкуре сомневаться не приходилось.

Логика спасает!

Но не очень помогает на деле – я все понимала, но продолжала нервничать.

– Почему нет?

– Странный вопрос, – усмехнулась я.

– И все же?

– Я взрослая девочка, и могу себе позволить пить что угодно. Или ты переживаешь, что я загнусь от алкоголизма и ты не успеешь мелко нагадить под моей дверью?

– Алкоголики обычно выглядят по-другому, так что загнуться *от этого* порока в ближайшем будущем тебе не грозит, – порадовал он.

Прозвучало как обещание, кто бы сомневался.

– А от какого грозит?

– А у тебя их много?

– Воз и маленькая тележка.

– Правда? – он окинул меня внимательным взглядом. И процитировал: – Мои глаза в тебя не влюблены, они твои пороки видят ясно¹.

Из недостатков – у Вишневого хорошая память.

Я тяжело вздохнула:

– С какой целью ты здесь, Андрей?

Правда в том, что разгадывать его ребусы у меня не было желания, а в их наличии не приходилось сомневаться: Вишневский из тех людей, у кого за секретом скрывается тайна, которая, в свою очередь, прячет загадку. Семь лет он притворялся мертвым, пока не решил вдруг воскреснуть. Утверждает, что на светлую мысль натолкнула его моя персона, но я не очень верю: вернулся он, потому что ему стало скучно.

¹ Сонет 141. Уильям Шекспир

Он жаждал действий и крови.

А мне сейчас не до того.

В обычное время я не прочь сыграть, но в ноябре? Как-то не хочется.

Я думала, Вишне夫斯基 объявит мне войну намного раньше. Летом мы повздорили: он торжественно воскрес, всех поставив на уши. Для пушного эффекта едва не лишил меня Ромки, объявив, что это для моего же блага. Нормальное благо, да? Конечно, я расстроилась, и в итоге Вишне夫斯基 слег с пулей в плече. За Ромку я любого на части порву.

Но вместо ожидаемой мести гад затаился. А я все хотела им заняться, но бесконечно откладывала этот вопрос. У нас с Вишне夫斯基м долгая и запутанная история, там много всего намешано. Общее прошлое. Семья. Потому я и не торопилась лезть в эту кучу. Папа определенно разозлится, мама расстроится, брат дома запрется... сразу столько сложностей!

– С целью выпить. Твое здоровье, – он поднял бокал.

Я промолчала, но выпила.

– В бар я зашел, потому что увидел тебя. Ноги сами понесли меня следом, и вот я сижу по соседству, наслаждаюсь твоим обществом. Хотя не сказать, что мне нравится слушать оскорбления избалованной дряни.

– Когда ноги сильнее мозга – это печально.

– Тут дело не в ногах, а в другом органе.

– Что тоже грустно, – посочувствовала я врагу. – Навер-

ное, это очень тяжело: вроде бы и пытаешься думать, а не получается, что-то вечно тобой верховодит. То ноги, то другой... орган. Даже неудобно смеяться над таким отклонением.

– Не расстраивайся, змея моя. Сейчас мне почти хорошо.

– Мерзость какая.

– А ты все такая же ханжа, – обрадовался Вишневский. – Все та же Сентябрина, которая отказывалась трахаться в машине.

Вот поэтому никогда – никогда!! – нельзя связываться с придурками.

– До сих пор готова рыдать при мысли, что вообще с тобой трахалась... хотя погоди! Я об этом давно уже забыла, Андрей. А ты все сидишь и вспоминаешь. Как это называется, как думаешь? Извращение?

– Не торопись приписывать меня к извращенцам.

– Ты болен, Андрей.

– А ты?

– Кажется, мы немного увлеклись, – мягко напомнила я.

Достал, сволочь.

– В общем, возвращаясь к твоему вопросу, – как будто не обратил он внимания на мои слова. – Само собой, моя конечная цель – это исполнение тобой моего заветного желания. Не обязательно сегодня, но...

Его главное желание – отомстить за ранение, дураку понятно. Око за око, и тому подобное. Но почему я то вдруг

должна исполнить его желание? Он что, рассчитывает, что я разбежусь и прыгну с десятого этажа головой вниз? Или снотворного наглотаюсь, устав от его дурацких разговоров?

Вишневский широко улыбнулся, а я от души пнула ногой его стул. Это один из моих любимых трюков, тут все дело в эффекте неожиданности: сидеть расслабленно, говорить мягко, грубить поменьше. Оппонент теряет бдительность – и удар! Оказывается на полу.

Проверенный прием не сработал, гад оказался быстрее меня: схватился за барную стойку и удержался на месте, причем дурацкая пиратская ухмылка ни на мгновение не сошла с его физиономии. Обычно к такому бывает готов только Ромка, и то нет-нет, да удастся застать его врасплох...

Вишневский невозмутимо отхлебнул мартини и прокомментировал:

– Уговорила, пока мое желание откладывается.

– Оно останется несбыточным, – отрезала я, не вдумываясь, чего он там желает.

– Хочешь, поспорим?

– И в чем смысл спора?

– Если ты его не видишь, это еще не значит, что его нет, – глубокомысленно изрек он. – Ну и вероятность выигрыша на твоей стороне... ты наверняка так думаешь. Ну что, по рукам? Повеселимся, как в старые добрые.

– Интересно, что мне мешает после спора послать тебя подальше? – задумалась я и передразнила: – Как в старые

добрые.

– Обижает, моя хорошая. Такие как мы не спорят просто так... к примеру, мы можем заключить договор, разумеется, на бумаге.

– Хватит говорить «такие как мы». Звучит, будто мы похожи.

– Так и есть, солнце, так и есть. Ну так что, договор? Скажем, на миллион?

– Оставь миллион себе, – фыркнула я и сделала знак бармену: – Еще мартини. Оливок и водки побольше. Водки намного больше.

Бармен кивнул и поспешил уйти. За неимением других клиентов он томился без дела и заметно прислушивался к нашему разговору. Бедный, он должно быть в шоке.

– И ты бы вполне могла согласиться на спор, я же знаю, ты не против веселья, – продолжил Андрей, хотя я не просила. – Но больше всего ты ненавидишь проигрывать, не так ли? Тем более обмануть меня будет куда труднее, чем твоего пустоголового блондина. К примеру, я прекрасно знаю о твоих шаловливых ручках... напомни, как это зовется?

– Ты псих, я не буду с тобой спорить – вот как это зовется.

– Порой самое причудливое безрассудство бывает порождением самого утонченного рассудка... ну что ж, значит, в другой раз, – внезапно сдался Вишневецкий.

– Или никогда, – предложила я, вконец потеряв нить разговора.

– Никогда не говори «никогда», моя дорогая.

– И все же рискну.

Он медленно растянул губы в улыбке, а потом и вовсе захохотал, сходство с психом стало абсолютным:

– Вот поэтому ты мне так нравишься: кто еще способен вдохновить на поступки, находящиеся за гранью возможного? Никогда случится очень скоро, Сентябряна, я тебе это обещаю. Считай, что подстегнула меня к действию.

Весь этот бред порядком надоел мне, а нас еще и бармен слушает.

Ради последнего я сменила тему:

– Как там твое плечо? Затянулось?

– Целое и невредимое, – расстроил Вишневатский.

– Никогда нельзя знать наверняка, надолго ли. Ты его береги.

– Может, хватит уже обо мне? Поговорим о тебе.

– Моя любимая тема, но вообще-то я надеялась, что ты уйдешь.

Само собой, мои надежды тут мало кого волновали:

– Слышал, твой недалекий блондинчик нашел вторую половину? Надеюсь, они стоят друг друга... есть в этом парне что-то такое, что меня безмерно раздражает.

– Ты безмерно раздражаешь всех окружающих, так что у вас есть что-то общее, – буркнула я, покачав головой: слухи имели прямо таки фантастическую скорость.

– Ничего общего, он пресный тип. Имел неудовольствие

встретить его на прошлой неделе и чуть не загнулся от скуки.

– Лучше бы загнулся.

– Вот как? – Вишневецкий поднял одну бровь и смерил меня насмешливым взглядом. – Теперь понятно, почему ты торчишь в баре посреди дня. Неужели блондин настолько запал в душу? Признаться, не ожидал: он и вдруг ты. Как там говорится... человеком правит любовь, а любит он то, что уходит? Ты поэтому в него так вцепилась, он сорвался с крючка?

– Кто сказал, что он сорвался?

– Март, – подозрительно просто ответил Вишневецкий. – Мы возобновили старую дружбу. Ты же не против? – поинтересовался он таким тоном, что ясно: мое мнение тут мало кого интересует.

– Ничуть, – я тоже ответила прямо и честно.

– Ты ненавидишь своего брата или что? Помнится, раньше вы были друг за друга горой, хоть и негласно... неужели я так много пропустил?

– Всего семь лет.

– Это не ответ.

– А я и не обязана отвечать. Но раз уж мы говорим о Марте, сделаю исключение: я не возражаю не потому, что он общается со сдвинутым на всю голову маньяком, а потому, что к нему вернулся друг. Ему трудно даются новые знакомства, а с тобой он чаще всего выходил из дома. За последние семь лет многое поменялось, Андрей... к тому же, ты и сам пони-

маешь: если навредишь моему брату, я намотаю твои подлые кишки на твою же нечистую руку и заставлю тебя на все это смотреть, пока не сдохнешь.

Моя угроза его не слишком взволновала:

– Ты сделаешь это сама, или отправишь верного исполнителя?

– Никогда бы не лишила себя подобного удовольствия.

– Ты девушка моей мечты, я уже говорил?

– Ты такой извращенец, – поморщилась я и спрыгнула на пол. – Надеюсь, мы не увидимся еще как минимум полгода.

Вообще-то, я хотела сказать еще семь лет, но не была такой оптимисткой. Скорее, реалисткой с нотками пессимизма... это все ноябрь действовал, не иначе. Я направлялась к выходу, когда он бросил мне в спину:

– Мы увидимся раньше, чем ты думаешь, бездушная моя.

Прозвучало как самая настоящая угроза, что мне не понравилось. Возможно, много лет назад мы и находили общий язык с Вишневым, но сейчас мне хотелось его придушить, как только увижу. Не стоило ему стрелять в моего Ромочку, этого я ему никогда не прощу...

Мартини дало о себе знать, меня покачивало. Я позвонила Ромке: друг не подвел и приехал в рекордные сроки, ждать пришлось минут десять. Я села в Ромкину новую тачку. Наконец-то он внял моим советам и избавился от старого монстра, который занимал два парковочных места (это если удачно припаркуешься, если нет – все три) и разжился при-

личным автомобилем. Выбирала я, само собой. И покупала тоже, Ромка довольно прижимист и на себе обожает экономить. А еще не любит выпендриваться. Тяжелый он человек. Но не может устоять перед моей улыбкой и парой ласковых слов. И сейчас, постоянно бурча, катался на черной блестящей Ауди, копии моей белой малышки. Я потратила деньги, «подаренные» мне Вишневым. Поначалу думала их вернуть, но посчитала справедливым порадовать пострадавшего друга.

– Я встретила нашего общего знакомого. Ну знаешь, со шрамами, – первым делом сообщила я Ромке, чтобы отвлечь его от неизбежных вопросов: что я здесь делаю? Почему от меня несет водкой? Ну и прочее в том же духе... В последнее время друг слишком уж пекся о моем здоровье, и не только физическом.

– Вишневого? – Ромка моментально нахмурился. – Что он хотел?

– Как ни странно, ничего. Улыбался, шутил, угрожал. Ну знаешь, все как обычно. Но пакость почти наверняка затеял, надо быть начеку.

– Держалась бы ты от него подальше.

– Вот еще. Это он должен держаться подальше, – фыркнула я. – На самом деле, я позвонила, потому что хочу поговорить с бывшим парнем Крокодильды.

– А протрезветь ты не хочешь?

– Рома!

Друг всегда понимал меня с полуслова:

– Я так понимаю, мой совет оставить все как есть ты проигнорировала?

– Естественно.

– Ох, что-то у меня голова заболела...

– Она что-то скрывает, Ром. И уж точно не такой ангелок, каким ее все считают!

– Надеюсь, ты права, – тяжело вздохнул Ромка и повернул на нужную нам улицу. Похоже, он помнил наизусть адрес: никуда не заглядывая, он вскоре притормозил возле типовой пятиэтажки, неизвестно с какой целью окрашенной в цыплячий цвет.

– Жуть какая, – прокомментировала я и зажмурила на минуту глаза, потому что отныне подобный оттенок будет ассоциироваться у меня с дурацким галстуком и его хозяином.

– Мне с тобой пойти, или тут подождать?

– Подождать, – твердо решила я и направилась к подъезду под номером один.

Глава 3

Некий Семен Алексеевич Коростелев проживал на четвертом этаже, лифт, само собой, не предусмотрен. Мой дом трехэтажный, в нем и то лифт имелся... Когда я поднялась на третий этаж, едва не столкнулась с парнем: он спускался, весело насвистывая и на ходу пытался натянуть шапку. На вид ему было лет двадцать семь, темные волосы коротко подстрижены, на лице двухдневная щетина. Сама не знаю почему, но я шагнула к нему, жестом останавливая, приветливо улыбнулась и поинтересовалась:

– А вы не подскажете, в какой квартире Семен Коростелев живет?

Парень окинул меня внимательным взглядом, но вместо ответной улыбки заметно нахмурился. Такой реакции я уж точно не ожидала, и на всякий случай нахмурилась в ответ.

– А кто его спрашивает?

– Если не возражаете, скажу это ему лично, – ответила я, уже догадываясь, что поймала самого Семена.

– Как знаете, – пожал он плечами и попытался меня обойти, но я его остановила:

– Скажу, когда мы с вами поднимемся наверх и поговорим. Если вы, конечно, не хотите поделиться подробностями личной жизни с соседями.

Парень усмехнулся и кивнул:

– С ними не надо делиться – сами все знают. Но хорошо, давайте поднимемся.

Первым он начал подниматься на нужный нам четвертый этаж, я следом, слегка удивленная: как-то легко он согласился со мной поговорить. Семен открыл дверь, пропустил меня вперед и жестом показал, куда идти.

Сделав два шага, я оказалась в комнате с цветастым ковром, выдавшем вида диваном и пузатым телевизором. К дивану в комплекте прилагалось кресло, испачканное чем-то зеленоватым. Совершив нелегкий выбор между скрипучим гигантом и его младшим заляпаным братом, я все же устроилась на диване и пообещала себе в следующий раз подобной ситуации избежать. Правда, пока не решила, как: носить с собой складной стул не очень удобно, да и сидеть на нем, собственно, тоже; кресло не подходило практически из тех же соображений. Можно брать с собой плед...

Хозяин квартиры устроился в кресле и прервал мои размышления:

– Ну, так о чем вы хотели со мной поговорить?

– О вас.

– Неужели? Так спрашивайте.

– Не скажу, что жалуясь, но вы как-то слишком легко согласились говорить со мной, – поделилась я подозрениями, внимательно наблюдая за Семеном.

Парень пожал плечами:

– Вы похожи на девушку, которая не упустит своего. Так

зачем все усложнять?

«А ты не похож на парня, который может сделать такие выводы» – язвительно отметила я, правда, мысленно, а вслух согласилась:

– Действительно. Вот бы все руководствовались подобными принципами.

– Некоторые простоту не жалуют.

– В том числе и я. Потому что по опыту знаю: за простотой чаще всего кроется подвох, Семен.

– Чаще всего, – он опять пожал плечами. Вид имел равнодушный, но пару раз я заметила, как он смотрел на часы.

– Торопитесь?

– Немного, так что если не возражаете...

– Ничуть, – перебила я. – Я здесь, потому что хочу поговорить об Анне Абрамовой.

– И зачем вам Анька? – если он и удивился, то виду не подал.

– Вы горели желанием поговорить, и я вас слушаю, Семен.

Расскажите о ваших взаимоотношениях.

– Нормальные отношения, не хуже, чем у других.

– И долго они длились?

– Около двух лет, – сразу ответил он.

– И почему они завершились?

– Потому что я неподходящий парень, – усмехнулся Семен.

– Поясните?

– Анька хорошая девушка, правда. Мне повезло, что такую как она вообще встретил... среди моих знакомых, знаете ли, подобные ей не водятся. А за ней мне пришлось чуть ли не полгода бегать, а она даже не смотрела в мою сторону. Но потом вдруг завертелось, и вот мы вместе. Продержались два года, потом она ушла: не смогла мириться с моими друзьями да гулянками. У нее самой дети на уме, дом, будущее...

– Не похоже, что вы раскаиваетесь, – заметила я.

– Жизнь продолжается, не все же по ней убиваться.

– Вы продолжаете общаться после разрыва?

– Нет.

– Расскажите мне об Анне?

– Что рассказать? – он вроде бы удивился такому вопросу. – Вроде я уже изложил все, про знакомство, расставание и типа того...

– То была история о ваших *отношениях*, – последнее я выделила. – Хоть и не особо подробная. А хочу слышать что-то о ней самой.

– Ну не знаю даже... добрая она, очень. На котях бездомных помешана, постоянно кормила всяких дворняг. Терпеть не могла, когда я врал: предпочитала слышать все как есть. Работу очень любила, детей своих просто обожала... она вообще старалась во всем и всех видеть только хорошее, такое редко сейчас можно встретить.

– Почему редко? В психушке каждый второй любвеобильный, – не согласилась я. Будь здесь Ромка, наверняка отру-

гал бы за ехидство, но черт возьми, как еще реагировать?!

– Нет, Аня...

– Ангел?

– Может, и не ангел, но ничего плохого о ней сказать не могу. Хорошая девушка. Я бы хотел сказать, что стерва и бросила, но понимаю, что виноват сам.

Вот так странности пошли. Может, Семен робот?

– Потерять такое сокровище мог только глупец.

Семен как-то криво улыбнулся, но промолчал, и я продолжила:

– Оставим ее святость. У нее было много подруг?

– Она много работала, на друзей времени совсем не оставалось.

– Неужели вообще никого? – не поверила я.

– Возможно, она дружила с кем-то на работе, – неуверенно предположил парень.

– То есть, наверняка вы сказать не можете?

– Нет, – неохотно признался Семен. – Дома ее другом был я, в остальное время она пропадала либо в питомниках, либо в организациях благотворительных, либо на работе.

– Бывает и такое... – пробормотала я, сильно в этом сомневаясь. – А у вас не осталось совместных фотографий?

– Кажется, нет. А что?

– Неужели все выкинули?

– Да, – просто ответил Семен.

– И из облака удалили?! – не поверила я.

– Какого облака?

– С компьютера? – предприняла я вторую попытку. Если не облако, тогда должен быть у парня ноутбук? Или где там раньше фотографии хранились...

– В прошлом месяце мой ноут сгорел, заменил его на новую модель. Если фотки и есть, то из последних.

– Покажете мне?

Семен нахмурился, но возражать не стал, сходил за ноутбуков, включил его при мне, щелкнул несколько раз мышкой и вывел на экран фото: Крокодильша на фоне редкого леса крепко обнимала Семена, он развел руки по сторонам, что-то крича в камеру (наверняка фразу вроде «я король мира!»). Следующая фотография: парочка стоит прямо и улыбается в камеру.

– Давно это было? – поинтересовалась я.

– В прошлом году... Еще вопросы? Я бы рад поболтать еще, но мне на самом деле пора, ребята ждут, – вспомнил Семен, что торопится.

– Если появятся вопросы, я вас найду. А пока нет.

На мое «я вас найду» он поморщился.. И чем я так парню не приглянулась, интересно? Вместе мы покинули сначала квартиру, потом и подъезд, и там уже разошлись в разные стороны: я посеменила к Ромочке, который накуривал возле черной красавицы-Ауди, куда пошел Семен, мне было не интересно.

Я подошла к другу, выдернула сигарету из его рук и отки-

нула в сторону: мы пообещали друг другу бороться с вредной привычкой. Хотя у меня таковой привычки и вовсе не было, курил один Ромка, но почему-то он заявил, что я тоже зависима.

– Ну? – недовольно поинтересовался он.

– Врет господин Коростелев, как сивый мерин. И даже не краснеет.

Мне пришлось коротко изложить беседу. В следующий раз возьму друга с собой, этак замучаешься пересказами заниматься.

– Вроде все укладывается в общую схему, – пожал плечами Ромка. – Почему ты думаешь, что парень врет? Его слова вполне соответствуют тому, что мы и так уже об Анне знаем.

– Врет, потому что все укладывается в общую схему.

– Слабый довод.

– Отлично, тогда вот тебе еще один: он нахмурился, едва меня увидел. Тебе не кажется это подозрительным? – сдвинула я брови.

– Ты не обязана всем нравиться.

– Ромочка, я не успела ему нахамить и даже не ударила. Он должен был обомлеть от моей красоты и приготовиться бежать за мной на край света!

– Может, ему брюнетки нравятся?

– Ему не брюнетки нравятся, а Крокодилда с мышинового цвета волосами и блажью в голове. По крайней мере, он так утверждает.

– Ну влюблен парень, все дела... не всем слюни пускать при твоём светлом лице, – не желал Ромка сдаваться.

– Отлично. Тогда почему у нее нет друзей? А описание? Ты слышал, как он ее описывал? Общими фразами, которые сводились к чему-то вроде: «Анечка очень добрая, любит кошек, работу и вообще она добрая. И да, совсем забыл о ее доброте к кошкам. А уж какая она добрая!...».

– Успокойся, – поморщился Ромка.

– Так говорят только о тех, кого вообще не знают! – не хотела я отступить. Объяснить Ромке впечатления от беседы я как следует не могла, он там не присутствовал. Настораживало что-то в этом Семене... вроде и держался парень уверенно, но все же я ему не верила. Много странного было в его рассказе.

– Не обижайся, но мне кажется, ты просто придираешься. Ищешь любую возможность насолить Крокодильде... тьфу ты... Анне этой, в общем. Может, тебе лучше сгонять на Мальдивы на пару недель? А вернешься, Новый Год как раз, а? – подхалимски предложил этот иезуит.

– Ну уж нет, я эту лживую змею близко не подпущу к Маркару. Она что-то скрывает, и будь я проклята, если это не так!

– Ты уверена, что это не банальная ревность?

– Ромочка, хватит молотить чепуху: я всегда уверена!

Ромка вздохнул тяжело, обреченно. И сдался:

– Твоей уверенности мне достаточно. Выясним все вме-

сте, Сенька.

– Я так тебя люблю, – в доказательство я кинулась к нему в объятия и даже позволила погладить себя по волосам, что в обычное время непозволительная роскошь.

– Само собой, любишь.

В такие моменты он становился жутко самодовольным.

Следующим моим шагом стало изучение бывшего парня Крокодильды. Не знаю, почему, но интуиция моя не желала мириться и настойчиво кричала, что с парнем что-то не так. Как я и объяснила Ромке, общее впечатление от разговора вышло двояким: вроде, он не нервничал, но чувствовалось, врать ему не впервой. Я, например, тоже не нервничаю и плести могу что угодно. Наш разговор с Семеном прошел слишком легко, как будто парень меня поджидал. Неужели Крокодильда предупредила о моем появлении и попросила со мной побеседовать? Это бы многое объяснило... и мне категорически не понравился его рассказ: добрая, добрая, добрая... никогда я это слово не жаловала. Добрая – это же почти милая!

Семенная проверяла популярным и в большинстве случаев достоверным сейчас способом: изучила его страницы в социальных сетях. Фотографий с Крокодильдой там не нашлось, что неудивительно, раз они расстались. Зато лучших друзей я вычислила практически сразу: по шутливым комментариям и оценкам. Это очень сложная часть, приходилось постоянно включать фантазию и приписывать шутки там, где ум-

ственная отсталость налицо.

В итоге я выделила троих молодых людей одного с Семеном возраста.

Двое из них оказались женаты и даже успели обзавестись потомством, похоже, в последнее время они больше дружат в интернете, нежели при встречах. Остался некто Дмитрий Котов, практически на всех фотографиях позировавший с бутылкой пива. У него отсутствовал один передний зуб, но судя по тому, как широко он улыбался, данный экземпляр чувствовал себя необыкновенно привлекательным. Мужское эго воистину непоколебимо.

У Дмитрия Котова хранилась целая куча фотографий с Семеном, в том числе и трехгодичной давности. Семен представлял на снимках далеко не в лучшем состоянии, неудивительно, что Крокодильда от него сбежала. В общем, если и был у Семена друг, который знал больше других, так это Дмитрий Котов.

Я громко позвала Ромку, который хозяйничал у гриля. Он появился через пять минут, облаченный в фартук. Выглядел при этом в высшей степени забавно, я не могла сдержать улыбку:

– Решил сменить вид деятельности?

– Просто у тебя на кухне столько техники, а ты туда даже не заходишь, – улыбнулся он в ответ.

– У меня есть кухня? – ахнула я.

– То помещение с кофе-машиной... забей. Чего звала?

Я повернула к нему ноутбук и ткнула в экран:

– Хочу, чтобы ты побеседовал вот с этим парнем.

– С ним? – изумился друг, приглядываясь к беззубому. –

Это кто еще такой?!

– Это друг Семена, парня Крокодилыши. Не сказать, что он умеет подбирать друзей... да и девушек в общем-то тоже. Но нам это не важно. Я бы сама с ним потолковала, но думаю, лучше будет, если парнем займешься ты.

– И о чем мне с ним беседовать?

– Как это о чем? О Крокодилыше, конечно!

– Ты не слишком ли увлеклась?

– Это только начало!

Ромка еще некоторое время смотрел на фото и нехотя кивнул:

– Сегодня позже вечером и займусь. Через пять минут у нас ужин! – оповестил он и удалился на кухню.

– Для ужина еще рано, – напомнила я.

– Значит, обедо-ужин! – крикнул он уже с кухни.

Пока я листала фотографии, слышала, как Ромка болтает по телефону. Выясняет адрес Котова, надо полагать. Что ж, надеюсь, сегодня у нас появятся интересные новости.

Мы пообеда-ужинали с Ромашкой: друг пожарил два куска мяса на гриле, а улыбался так, словно как минимум готовил сарсуэлу. Кстати, от последней я бы точно не отказалась... Может, стоит поощрить Ромкино увлечение готовкой? Или отправить на кулинарные курсы?

После трапезы Ромка отбыл по заданию, а я нехотя собралась и поехала домой, то есть в отчий дом: субботние вечера давно стали у нас традицией. Вряд ли Ирина приготовит сарсуэлу, но наверняка это будет что-то очень вкусное. Как моя будущая победа.

Глава 4

Отчий дом встретил вымершим двором и непривычной пустотой. Ноябрь, чтоб его: пусто, холодно и бесснежно. Даже мамулины садовники умирают от скуки и не могут творить свои чудовищные шедевры из травы и кустарника. Но ничего, зима близко и скоро домашний сад обрастет ледяными скульптурами и снежными лабиринтами. Каждый развлекает себя как может, что тут сказать.

Я зашла домой, небрежно скинула шубу и покрутилась возле зеркала: для ужина я выбрала простое черное платье длиной чуть выше колена, а волосы собрала в высокий хвост. Просто и со вкусом, маме с папой понравится.

Но семейный ужин у Симбириных редко проходил без незваных гостей. Как и в этот раз – уже в коридоре я услышала гегемонию из искрящихся весельем голосов и смеха. Пройдя в гостиную и едва не завопила от ужаса: на родительском диванчике восседала Крокодилда в компании моего Макара. Ушлая девица улыбалась и тянула загребущую руку в мамулину сторону, демонстрируя ей безвкусный булыжник на пальце.

А мама... мама сидела напротив не одна, а в компании Вишневого. Рядом с мерзким пиратом пристроил пятую точку мой бестолковый братец. Это слишком. Это очень-очень плохо. У меня даже плана нет!

Я начала отступать. Но кто бы сомневался – далеко уйти не смогла, папуля поймал меня у и заблокировал все пути отхода.

– Доченька! Я так рад тебя видеть! – он меня обнял и поцеловал в щеку. – Хорошееешь с каждым днем, вылитая Маечка! – В домашнем образе папа всегда радушен и улыбочив, но я знала, есть у Симбирина Евгения Андреевича и другая сторона, с которой многие предпочли бы никогда не столкнуться. А кто столкнулся, уже не расскажет.

– Спасибо, пап.

– Только взгляд угрюмый. Случилось что?

«Ты бы узнал одним из первых» – подумала я.

А вслух заметила:

– Ну, глазками-то я в тебя пошла.

– Ехидство не к лицу красивой девушке, Сентябрина.

– А что к лицу?

Тут папуля ничего убедительного придумать не смог, по-сему решил сменить тему:

– К нам сегодня присоединится Андрей, – порадовал он, и потащил меня обратно в дом. Предупреждение вышло запоздалым, раз я сама успела разглядеть маньяка в нашей гостиной.

– Он разве не умер?

– Сентябрина!

– Поняла – надежды тщетны.

– Андрея пригласил твой брат, так что постарайся вести

себя прилично. Тем более, Андрей только недавно вернулся, и мне бы не хотелось его пугать... он единственный сын Игоря, будет жаль, если он уедет, – несмотря на весь свой ум, проницательность и жесткость, папуля иной раз врубает сентиментальность на полную катушку. И ведь знает же наверняка, как именно Вишневский у нас появился, но виду не подает, наблюдает пока.

– Уедет он, как же, – буркнула я. – Поганой метлой теперь не выгонишь.

Родитель замечание комментировать не стал, приняв Соломоново решение игнорировать мои шутки. Мы как раз добрались до гостиной. В комнате воцарилась тишина: все пялились на меня. Мамуля с радостью, братец и его пиратский друг с любопытством, а Макар и его Крокодильша – с явной тревогой.

– Забыла нож в сумочке, – невинно пожала я плечами. Не люблю разочаровывать людей: они тут, понимаешь ли ждали, беспокоились... надо оправдать ожидания.

– Я привел Сентябрину, – заискивающе сообщил родитель.

Гости недружно поздоровались, напряжение с их физиономий никуда не делось. Лишь Вишневский начал скалиться по привычке.

– Что вы так смотрите? – не удержалась я, прошла вперед и плюхнулась в кресло напротив. – Бойтесь, что у меня снайперская винтовка в платье спрятана? Или онемели от красо-

ты?

Последняя фраза предназначалась Крокодиледе, которая чем-чем, а красотой уж точно похвастать не могла. До меня ей уж точно далеко. Она это поняла и вцепилась в руку Макара, изобразив победную улыбку. Я ей подмигнула, намекая, что бой еще не окончен, а только начинается. Как говорится, можно проиграть мелкую битву, чтобы выиграть войну.

– Ээ... – не очень остроумно выдавил Макар, Вишневецкий на это достаточно громко усмехнулся, пробормотав что-то Марту. Детский сад.

– Сентябрина, ты знакома с Анечкой? – прощепетала мамуля, предпочитая игнорировать общую напряженность, которую до конца не понимала. Скоро она начнет обсуждать наступление новогодних праздников и планы нашего семейства на эти самые праздники.

– Мамуля, ты же знаешь: я руководствуюсь принципом не запоминать имена людей, которых я больше не увижу. Никогда.

– Нас пригласили на свадьбу, сестренка, – заметил братец.

– Март, если на свадьбе не будет толпы санитаров, чтобы за тобой приглядывать, то их совершенно точно надо будет пригласить, – напомнила я, заметив, что Макар с невестой с облегчением выдохнули. Наверное, по ошибке решили: раз я сказала слово «свадьба», значит, ее допущу. Наивные оба, а таким людям категорически нельзя сбиваться в пары. Один должен быть адекватным.

– Так и сделаем, сестрица, как раз и за тобой проследят.

– А какое платье ты хочешь, Аня? – вклинилась мамуля и разговор быстро перетек в обсуждение всякой свадебной чепухи, с новогодними праздниками я дала маху.

Оказалось, Крокодильда уже продумала все: от торта до списка гостей, что показалось мне любопытным: как давно они собираются жениться? Или у нее с детства все заготовлено, как в подростковых комедиях? Что за безвкусица... слушать это невозможно, особенно под наглым взглядом Андрея Вишневого.

Я резко поднялась:

– Пойду поздороваюсь с Ириной! – и поспешила унести ноги. Мне необходима передышка, да и Ирина мне нравилась, она работала в нашей семье уже лет десять и очень дружила с мамой. А еще она симпатизировала Ромке – и как ее после этого не любить?

Поболтав с Ириной о Ромкиных кулинарных талантах и сарсуэле, я неохотно вернулась в гостиную. Оказалось, все успели разбрестись: то есть, Макар с Крокодильдой и мамулей остались на месте и вели все те унылые свадебные беседы, а вот остальные не выдержали и сделали ноги по моему примеру.

Я отступила назад, к лестнице. Повеселиться, зайдя в гостиную, или подняться наверх и потолковать с братцем наедине? Он может помочь с моим непростым делом... принять окончательное решение я не успела: кто-то весьма

неинтеллигентно схватил меня за плечо и развернул к себе. Методом исключения (папуля бы себе такого не позволил, брат тоже вряд ли), я опознала Вишневого еще до того, как увидела, потому выставила руку для хлесткой пощечины. Но Андрей ловко увернулся, гад. Оскалился и поинтересовался.

– Ну что, ты подумала насчет пари?

– А у тебя любопытные рефлексy, – заметила я. – Многочисленные драки в барах и казино дают о себе знать?

– Твои мне тоже нравятся. И что теперь, устроим кулачный бой?

– Ты кажется заикнулся: кулачный бой, пари... что же будет дальше? Дуэль? Тебе надо с кем-то это обсудить, – посоветовала я, высвобождая плечо и шагая назад.

– С тобой, например.

– Я не хочу ничего обсуждать.

– Почему?

– Ты мне противен. Это безвыигрышная ситуация.

– Но я обожаю выигрывать безвыигрышные ситуации, – Вишневский порывисто шагнул ко мне, его лицо оказалось близко, он сам... слишком близко, нас разделяли считанные миллиметры. Его голова опасно наклонилась в мою сторону... и я резко ушла вправо, поднырнула под руку и оказалась за его спиной.

– Ты только что пытался поцеловать меня? – рявкнула я, сама в это не веря.

– Нет! – он повернулся с пиратской улыбкой на губах.

– Тогда что? Врезать мне головой?

– Смотри что тебя больше возбуждает, моя сладкая. Я бы поставил на второе. Мне помнится, как ты...

– Фу.

Он пожал плечами, в его глазах плясали черти.

– Как можно быть настолько неприятной личностью? – фыркнула я.

– Настолько неприятной, что рядом со мной тебе не по себе?

– Фу! – повторила я, повернулась к лестнице и крикнула: – Март, когда будешь спускаться, захвати свою утку! Или ведро, меня тошнит!

– Дура! – послышалось сверху, голос принадлежал братцу.

Вишневский все еще терся рядом, я ткнула его локтем и буркнула:

– Отвали!

– Утка? – влез папуля, появившись из кабинета: – А я думал, у нас сегодня что-то с креветками. Ну вот... – Папа выглядел расстроенным, по непонятным причинам он утку не жаловал, как и любое мясо птицы в принципе. – Надо бы напомнить Ирине...

– Остановись, пап!

– Я думаю, креветки тоже будут, – пообещал Вишневский, хитро на меня поглядывая. Папуля перевел взгляд с меня на Андрея и почему-то улыбнулся.

– Господи, как я хочу домой! – закатила я глаза.

– Ирочка сказала, мы можем двигаться в сторону столовой, – появилась из гостиной мамуля. – Сентябрина, ты уже видела елку? На следующей неделе я приеду к тебе и мы что-нибудь придумаем и с твоей квартирой.

– Я уже придумала: купила ящик шампанского. Ромка обещал сделать башенную елку из бутылок, загорелся идеей.

Мамуля это проигнорировала и продолжила рассуждать об украшении моей квартиры. Недружным шагом мы двинулись в столовую. По дороге я задалась вопросом: почему каждый из членов семьи тащит на наш ужин кого попало, а мне такого не позволено? То есть, Ромка иногда меня сопровождал, но папуля друга недолюбливал и давал понять, что желает видеть меня в одиночестве. Ну и не то чтобы сам Ромка рвался в наш цирк... в общем, я решила, что в следующий раз без поддержки родственной души и ноги моей здесь не будет.

Мы расселись. Причем Март изменил традиции и пристроился по одну сторону стола со мной. Правда, между нами втиснулся Вишневский, наверняка специально. Счастливая парочка и мамуля оказались напротив, папа – как обычно, во главе стола.

– Похоже, утка отменяется, – заметил Симбирин-старший, заметно повеселев.

– Какая утка?! – ахнула мама, остальные обменялись недоуменными взглядами.

– Сентябрина сказала...

– Сентябрина вообще любит поговорить, – ожил Макар. Его глаза метали молнии: ясно, что Крокодилья невеста настучала о нашей девчачьей беседе.

– Виновна. Накажешь меня?

– Забуду.

– А мне нравится все, что ты говоришь, – шепнул сидящий рядом Вишневский. Меня передернуло от отвращения, я придвинулась к брату поближе.

К счастью, ненадолго все отвлеклись на салат. Только Вишневский жался все ближе, а я двигалась от него к Марту. В конце концов наше трио слилось в единую кучу, что не могло укрыться от папиного внимания:

– Почему рядом с моей дочерью все впадают в детство?

– Виновен! – признался Вишневский и даже не подумал отсесть подальше. В этом весь Андрей – ему все равно. Он, как Макар, не пытался произвести впечатление, не собирался вести себя как человек, которого пригласили на ужин в семью. Он вел себя, точно Андрей Вишневский десятилетней давности, тот же, что плевал на правила и поступал как вздумается и никогда этого не стеснялся.

Вот и сейчас... его рука совсем уж неприлично оказалась на моей ноге. Я посмотрела на Андрея убийственным взглядом, но тот лишь плечами пожал – мол, а что такого? Вишневский играл со мной во что-то, а я пока не разобралась, во что. Мы смотрели друг на друга, точно старые враги с неприличными мыслями в голове. И мне уж точно было не по себе

от происходящего.

От Макара это не укрылось, он покраснел и придвинулся к невесте. Вместе они выглядели странно, как будто им некомфортно сидеть так близко. То ли напряженность обстановки сказывалась, то ли не все благополучно у них в раю. Макар понял, что совершил ошибку? Похоже на то. Я ведь сижу напротив, во всех смыслах более удачная партия. Красива, богата до неприличия, отец – солнышко, и чего еще парню в жизни надо? Самоутвердиться, вот что. А Крокодильная невеста чувствует все это, оттого тоже ерзает и мнет-ся.

– Макар, ты нервничаешь? – Вишневский тоже заметил движение напротив.

– Что за глупости, – отмахнулся тот.

– Или тебе неловко?

– Андрей! – пискнула мамуля.

– Мы оба волнуемся о предстоящей свадьбе, правда, малыш? – прощebetала Крокодильша, глядя на Вишневского по-особенному злобно. Взгляд мне показался странным и вызывающим вопросы.

– Обожаю свадьбы.

– Особенно если жених и невеста в итоге доходят до алтаря, – поддакнула я.

– Нас сегодня слишком много, – пробормотал отец, мыслями он находился далеко от происходящего. Наверняка думал о проектах, инвестициях... в нашей семье главное – на-

учиться не воспринимать происходящее всерьез.

Ирина появилась очень вовремя:

– А вот и ужин! – обрадовала она.

Все с готовностью схватились за столовые приборы. За едой разговор развалился: папуля с Макаром вяло обсуждали царящую политическую ситуацию, Крокодилда пялилась в тарелку, мама не нашла лучшего времени пристать к Марту с его лечением. Братец страдал от агорафобии и лечиться напрочь отказывался, аргументируя тем, что его все и так устраивает. Но сейчас, кажется, чувствовал себя неловко. Мама продолжала настаивать на новогодней вылазке, но Март никуда вылезать упорно не желал.

Вишневский же за неимением другого собеседника полез ко мне:

– Не хочешь прогуляться после ужина?

– Нет. И отодвинься уже от меня.

– Не могу. Всегда питал к тебе необъяснимую слабость, сама знаешь.

– Всегда – это семь лет назад? – скривилась я. – Вишневский, неужели ты влачил настолько жалкое существование, что тебе и вспомнить нечего, кроме слабости ко мне? Не заставляй меня плакать от жалости к тебе.

– Говорят, первая любовь не забывается, – невозмутимо пожал он плечами. – Наверное, поэтому все не могу выкинуть тебя из головы.

– Ромка хорошо стреляет. Одна пуля в лоб, и все пробле-

мы решены, Андрей.

– Удивлен, что ты не сделала этого раньше. Почему, не расскажешь?

– Март! – повысила я голос. – Не хочешь поделиться книгами по превращению в растение с другом? Может, тогда он наконец заткнется?

– Извини, сестренка, я их выбросил, – усмехнулся братец и опять отвлекся на разговор с мамой. И сделал это нарочно.

Я беспомощно огляделась – ну почему никому нет дела до моей беды? Папа все с Макаром, Март с мамой... предательские Симбирины! Оставили на съедение пирату! Ну ничего, мне как раз надоело терпеть и вести себя прилично.

– Что ты сказал? – рывкнула я, стоило Андрею открыть рот.

Вскочила и залепила пощечину, в этот раз он не увернулся. Получилось хлестко и больно. Все вокруг сразу затихли, потеряв дар речи.

– Как ты мог?! – я вскинула взгляд на остальных и пояснила: – Андрей только что признался, что вождеделел меня, когда мне было одиннадцать лет! Это ведь ненормально!

– Что? – ахнула мамуля, хватаясь за сердце.

– Сентябрина! – повысил голос папа. Он использовал это короткое «Сентябрина» каждый раз, когда не знал, что сказать. Хотя мог бы молча взять, да выпроводить нежеланного гостя, к примеру.

– Вождеделел? Где ты откопала это слово? – задался вопро-

сом малообразованный Март, явно наслаждаясь ситуацией. Семейные сборища выступали развлечением для брата-домоседа, а я рада была устроить для него шоу. Хотя сегодня я старалась не для Марта, а для себя.

– Тебе тогда было пятнадцать, – уточнил Вишневский, ничуть не смущаясь. Его щека покраснела от удара, а взгляд обещал расплату.

– Спятил?! – возмутился братец. – Да она в пятнадцать напоминала внучку Гитлера, по сравнению с теми временами сейчас с нами сидит ангел!

– Март, напрягать мозг, когда его нет – плохо, так и голова может разболеться!

– Спрошу у Ирины про десерт, – мама благополучно смылась.

А я последовала ее примеру, напоследок обозвав Вишневского мерзавцем. И слегка волновалась – а не перегнула ли я палку? Одно дело – пуля в плечо, справедливый удар, на который Андрей не отвечает, потому что и сам признает справедливость. Или готовит что-то серьезное... но пощечина может выбесить его сильнее, и черт его знает, как он на нее ответит. Я всегда любила игры, но отчего-то в этот раз не торопилась вступать в бой. Знала: потеря может быть очень много.

Зазвонил телефон, отвлекая от мыслей о Вишневском. Я посмотрела на экран: мне широко улыбался Ромка. Невольно я и сама заулыбалась и поспешила ответить на звонок:

– Ты меня спас, Ромочка!

– Все так плохо? – посочувствовал друг.

– Хуже не бывает, – заверила я. – Видел бы ты, что тут за компания собралась... неважно. Я так понимаю, у тебя есть что-то интересное? Прошу, порадуй меня, друг! Мне срочно, срочно, срочно нужно отвлечься.

– Успокойся, Сенька, сейчас все будет. Во-первых, хочу сказать, что всегда с подозрением относился к твоей интуиции, а в этот раз вообще в нее не поверил, но оказался не прав.

– Бальзам на мою душу, – порадовалась я.

– Я потолковал с беззубым другом Семена, Дмитрием Котовым. Тот еще тип, до сих пор дрожь берет... так вот, он понятия не имел, что Семен вообще с кем-то встречался.

Я присвистнула: не знаю, чего я ожидала, но чтобы такого...

– Неожиданно, да? Не думаю, что Семен смог скрыть подружку, с которой по его словам у него были двухлетние отношения. Никакой Анны около него и близко не наблюдалось. Даже когда я предположил, что Семен ее просто скрывал, Котов отмел мою теорию одним махом: во-первых, полгода из нужного нам срока дружок сожительствовал с барышней, даже отдаленно не напоминающей нашу Анну, во-вторых, Котов чуть ли не каждый день обретается у дружка. Подружку бы уж точно заметил. Такие дела, Сенька.

– Спасибо, Ромочка! Думаю, сейчас я выясню подробно-

сти у самой Крокодилыши.

– Она что, тоже у вас дома?!

– Ага.

– Не повезло ей, – посочувствовал Ромка. – Удачи тебе, любовь моя.

– Удача мне ни к чему, Ромочка, – привычно ответила я и повесила трубку.

Чтобы не привлекать лишнего внимания, быстро набрала сообщение крокодилей Анечке (ее номером я разжилась ранее):

«Я знаю, что ты скрываешь. Жду на крыльце».

Сама же вышла на улицу, накинув мамину легкую шубку, и закурила. Ждать пришлось недолго, через пять минут показалась мышиноного цвета голова, а потом и вся Анна.

– Что означает ваше сообщение? – нахмурилась она.

– Ты мне скажи.

– Вы меня разыгрываете? Это проверка? Макар говорил, вы на многое способны...

– Проверка была утром, сейчас у меня есть доказательства, – улыбнулась я.

– Доказательства чего?

– Пока только твоей наглой лжи. Но не бойся, я узнаю больше. Видишь ли, Макар прав, иногда я бываю весьма деятельной.

– Я вам не верю, – она сложила руки на груди и вздернула востренький подбородок. Показная уверенность, дешевый прием, на деле девушка нервничала.

Я усмехнулась и затушила сигарету:

– А ты и не должна мне верить, Аня. Как я не поверила Семену Коростелеву, с которым имела неудовольствие познакомиться сразу после нашей встречи. Семен не самый приятный тип, но ты и сама это знаешь, раз сделала с ним пару фотографий в лесу. Так понимаю, для достоверности... не особо талантливая работа, стоило выбрать «жениха» понадежнее. Может, ты не рассчитывала, что тобой займутся всерьез? Или это экономия?

– Вы разговаривали с Семеном? – она старалась выглядеть незаинтересованной.

– Я так и сказала. И с его другом, который понятия не имеет о девушке Семена, тоже поговорила. Ты вообще знала, что он сожительствовал с другой? Это риторический вопрос, мы обе понимаем, что ни с каким Семеном ты не встречалась и видела его один раз в жизни, чтобы сфоткаться. Так зачем тебе понадобился подставной парень?

– Все не так...

– Неужели? – перебила я. – Подставной парень наводит на интересные мысли, дорогуша. К примеру, если я копну глубже, что еще смогу узнать? Сразу говорю, упорства у меня на троих. И любопытства тоже, а на тебя есть что копать, судя по спектаклю с Семеном и прочему. Хочешь, чтобы я

продолжила проявлять любопытство?

– Что вам нужно? – хмуро спросила девушка.

– Вот это уже другой разговор.

– Нет желания с вами связываться. Как я говорила, мне многое о вас рассказали.

– Лесть тебе не поможет, дурочка, – улыбнулась я, отметив, что в этот раз она не упомянула Макара в качестве источника. – Хочу, чтобы ты убиралась из моей жизни. И из жизни Макара тоже. Сейчас же, сиюминутно! – все так же довольно улыбаясь, изложила я требования.

– Это все?

– Мне этого достаточно, а тебе?

– Вполне, – буркнула она.

– Тогда считаю до пяти!

– Если я уйду, вы не полезете в мою жизнь?

– Посмотрю на твое поведение, Аня. Если ты исчезнешь навсегда, то буду доброй... а теперь скройся с глаз моих, я начинаю считать до пяти!

– Но моя сумка...

Я закатила глаза: ну почему «сиюминутно» постоянно воспринимается как красное словцо?

– Раз, – начала я.

Анна меня поняла, развернулась резко, бросив напоследок:

– Отлично, но чтоб вы знали: я все равно не планировала выходить за него, он мне даже не нравился! Забирайте его

себе.

Я проводила девушку взглядом: она вышла через калитку, попрощалась с недоуменным охранником. Ну, это было просто. Завтра надо будет с Анной потолковать по душам: похоже, девушке есть что рассказать. Любопытство – мой порок, признаю. А сегодня, помахав охраннику рукой в знак приветствия, я вернулась в дом, наслаждаясь так легко выигранной войной.

Глава 5

Казалось бы, на такой позитивной ноте можно заканчивать вечер. Битва выиграна, упавшее настроение вновь на высоте, ночь впереди... идеальный день. И можно уйти по-английски.

Макар поймал меня в гардеробной – я надевала шубу.

– Уже уходишь? – спросил он.

– Как видишь. Вы меня утомили свадебными делами, праздниками и семейными драмами. Лучше посмотрю сериал, там подобной ерунды всегда в избытке.

– Не видела Аню? Она ушла, и я не могу найти ее.

– Попробуй не искать, – душевно посоветовала я.

– Так ты ее видела?

– Я не слежу за твоей каракатицей, Макар.

– Это заметно. Нашла новое развлечение? – в его тоне слышалась злость. – Твои игры на меня не действуют, Бри, больше нет. Ты можешь сколько угодно сидеть передо мной и заигрывать с новой игрушкой – мне все равно.

– Что-то не очень похоже, – заметила я, улыбаясь. А может, не стоило торопиться с уходом? Вон как Макара распирает, надо же. Занятая перепалками с Вишневым, я и не видела, что происходило напротив.

– В любом случае, это не твое дело.

Макар покачал головой, отошел назад:

– Ты права, это не мое дело.

– Хорошо, что мы это обсудили, – я прошла мимо, но при тормозила у выхода: – И да, твоя Анечка уехала. Сказала, что свадьбы не будет или что-то в этом духе. Кто ж ее невнятную речь разберет... у нее что, прикус неправильный?

– Ты... – он прикрыл глаза, пытаясь справиться с гневом, но я решила не дожидаться развития событий и кучи вопросов от Макара, что грозили на меня обрушиться. Всегда важно вовремя удалиться. Поговорю с парнем, когда он остынет.

– Я, Макар. Это я. – Ответ получился простым и понятным.

Я вышла на улицу, прикрыла за собой дверь, и успела увидеть, как Макар пытается дозвониться до сбежавшей невесты. Даже интересно, получится ли у него? Ох, надеюсь, что да, в этот раз победа далась мне слишком легко, душа требовала продолжения банкета.

И это оказался случай под названием «бойся своих желаний». Все вышло из под контроля за считанные секунды: не успела я сесть в машину, как увидела нашего охранника: он бежал в сторону дома, вытаращив глаза и широко размахивая руками. Предчувствие вытолкнуло меня обратно на улицу.

– Что случилось? – крикнула охраннику.

Он меня не услышал, ворвался сразу в дом. И началось настоящее веселье: все семейство на моих глазах вывалило на улицу и дружным строем отправилось за охранником, оче-

редным Иваном. Разумеется, я не отставала, с трудом пытаюсь не растянуться на скользкой дороге (мой путь был рассчитан как «парковка – дом», зимнюю обувь я проигнорировала) и одновременно разобрать путанные объяснения Ивана:

– Я уже позвонил в полицию, сразу, так сказать. Услышал стрельбу, и... так сказать, уведомил. Но я же, так сказать, лицо ответственное, посему я...

Он замялся, и я подсказала:

– Так сказать...?

– Сентябрина, помолчи, – сурово сдвинул брови отец и я сочла за благо последовать его совету: похоже, случилось что-то действительно неприятное. Иван заикался, отец мрачнее тучи.

– Так сказать, проявил любопытство. Прямехонько за углом и стреляли, как оказалось. Ну а память на лица у меня хорошая, так сказать, девушку я сразу узнал.

– Какую девушку?! – резко побледнел и сбился с шага Макар: его мысли наверняка вертелись в том же направлении, что и мои собственные. Он посмотрел в мою сторону и побледнел еще больше. Краем глаза я отметила, как Вишнеvский нахмурился.

Отвечать Ивану не пришлось, мы как раз свернули за этот злополучный угол и смогли увидеть все сами: примерно в метре от дороги лежала девушка. Ее безвкусную куртку болотного цвета трудно не узнать, уже издали я поняла – это Аня. Мама громко ахнула, так же это признавая. Я скорее

чувствовала, чем видела, как папа обнял ее и попытался отвести подальше.

– Что с ней? Она умерла? Боже, она умерла? Женя, ответь мне... – причитала мамуля в ужасе.

Ответил Вишневецкий:

– Я не врач, но судя по дырке от пули в ее груди – да.

Сама я не могла оторвать взгляда от Крокодилы: она лежала на спине, раскинув руки, одна нога неестественно подогнута. На груди девушки расплзлось одно большое темное пятно, и несколько поменьше. Пятна все увеличивались, скоро сольются в одно. Глаза девушки выглядели стеклянными и блестели в свете фонаря, шапка сбилась на правый бок.

– Аня, – Макар кинулся вперед и рухнул возле нее на колени. Начал трепать по щекам, зачем-то пытаюсь ее поднять. – Анечка, прошу тебя, очнись... Аня, ну ты чего? Аня, скоро приедет скорая, все будет хорошо...

Некстати явилась мысль: если когда-нибудь меня подстрелят, Макар будет плохим помощником, только быстрее на тот свет спроводит. Сейчас парню никто не мешал, ведь всем абсолютно ясно: Анечка не жилец. А мысль о возможных уликах, судя по всему, мелькнула только у меня.

– Я вызвал скорую, но... – тихо добавил охранник Иван, и запнулся. Даже он понимал, что скорая уже не поможет, девушка мертва. И наверняка была мертва, когда Иван нашел ее.

Похоже, стрелявший одним из выстрелов угодил в сердце. В том, что в Анну стреляли, сомнений не было: дюжина круглых отверстий в пуховике не оставляла места для других версий, тут Вишневский был прав. Анна лежала на спине, стало быть, могла видеть стрелявшего.

Я подняла взгляд: на заборе соседей красовалась камера. Думаю, полиция быстро установит, что тут произошло на самом деле. Шанс есть, пусть и призрачный, ведь если действовали люди поумнее, о камерах обязаны были позаботиться. Тогда нас ждет пустая запись и еще больше вопросов.

Услышав галдеж за спиной, я тихо выругалась: вот и немногочисленные соседи пожаловали. И все с недоумением и некоторой опаской косились на наше семейство. Помнится, мама переживала, что добрососедские отношения у нас ни с кем не складываются, теперь можно даже не переживать о такой мелочи.

Подошел Вишневский, закинул тяжеленую руку мне на плечо, отвлекая от проблем соседских взаимоотношений:

– Вот ведь незадача, правда? Умерла около вашего дома.

Раздраженно, я избавилась от его объятий:

– Ты не можешь обойтись без дурацких замечаний, да?

Он пожал плечами:

– Просто озвучиваю твои мысли, змея моя.

– Надеюсь, ты не приложил к этому свою мерзкую руку?

А то у меня появится повод для недовольства.

– Я думал, ты приложила, – удивился он. Удивление, кста-

ти, выглядело настоящим.

Отвечать я сочла ниже своего достоинства.

Приехала скорая и полиция, количество соседей все прибавлялось, не знала, что тут столько людей вообще живет. Парни с погонами разогнали всех по домам, пообещав навещать каждого. Нам так же пришлось удалиться. Мы брели к дому, папа трогательно поддерживал мамулю под руку, брат чуть ли не волоком тащил Макара, который не желал покидать невесту, но граждане из полиции были непреклонны, им и так все улики затоптали. Вишне夫斯基 шел рядом со мной, весело подмигивая каждый раз, когда я на него косилась.

Все зашли в дом, я остановила Макара, взяв его за руку:

– Макар...

– Чего тебе? – руку он освободил, довольно грубо. Выглядел при этом потерянным, а еще злым, очень злым.

– Тебе нужно кое-что узнать, прежде...

– Дай угадаю: узнать, что ты здесь не при чем?

– Так и есть, но я говорила не об этом.

– Значит, это дело рук твоего дружка-уголовника? – горько усмехнулся Макар.

– Ромка не уголовник, – на автомате вступилась я за друга. Хотелось добавить кое-что еще, припомнить грешки самого Макара, к примеру, но я взяла себя в руки и спокойно сказала: – Ты должен знать, что мы с Ромкой к этому не причастны. А еще ты должен знать, что у Ани были секреты...

– Довольно, – он жестом остановил меня, – мне не инте-

ресны твои интриги, Бри, больше нет. Мою невесту убили, не прошло и часа, как ты... ты за это в ответе.

– Кто?!

– Без понятия, ты ли это организовала, но знаю одно: ты выгнала ее, и не прошло и пяти минут, как ее обнаружили мертвой. И самое смешное – тебе даже не жаль.

– Ну, если в таком ключе...

– Ненавижу тебя! – перебил он тихим голосом, но это пугало даже больше. – Ты чертова сука, лишённая морали, человечности и любых чувств. И сейчас ты радуешься... – Макар вцепился в волосы обеими руками, словно останавливая себя. – Держись от меня подальше. Меня от тебя тошнит. Держись от меня подальше, – повторил он, – иначе я за себя не ручаюсь...

– Ты не прав, – возразила я, – по крайней мере, насчет отсутствия чувств.

Слова вырвались без моего на то желанья, можно подумать, сейчас они хоть что-то значили. Я сама не понимала, хотела ли я защитить себя, или пыталась сказать нечто такое, что говорить не умела. Я съежилась под тяжелым взглядом Макара. Таким взглядом обычно одаривают смертельных врагов.

– НЕ-НА-ВИ-ЖУ! – по слогам процедил он, грубо оттолкнул меня с пути и удалился из моей жизни.

Точнее, скрылся в доме.

А я смотрела ему вслед, точно зная: ничего хорошего из

убийства Крокодилыды не выйдет. Во всех смыслах.

И, как обычно, оказалась права. Дело даже не в том, что Макар предпочел меня ненавидеть, а во всеобщем недоверии. Даже Ромка, когда я подробно изложила ему свое видение ситуации, наморщил лоб и минут пятнадцать сверлил меня взглядом, а потом и вовсе спросил, правда ли я непричастна. Решил, что я передумала насчет «голову оторвать» и просто застрелила девку. Недоверие друга ранило больше всего. Пусть он и говорил, что верит мне, я все равно замечала его настороженный вид, будто он только ждал, когда уже всплывет что-то крайне неприятное. Мне казалось, я могу видеть, как крутятся ржавые винтики в его голове: с трудом, скрипя, просчитывая все возможные варианты.

Папуля тоже был мною недоволен: все потому, что охранник Иван настучал о моей беседе с Крокодилыдой за пять минут до ее смерти. Не отставала и полиция – их интересовало сообщение, отправленное мной Анне за десять минут до того, как ее застрелили.

Конечно, в смерти девушки никто меня не обвинил... в лицо. Но косвенно даже я сама чувствовала себя причастной. И злилась: вот надо было этой кикиморе умереть так не вовремя? Теперь даже крохотная надежда наладить отношения с Макаром пошла коту под хвост, а аферистка Анечка стала практически святой, а все потому, что ее убили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.